

Фундаментальные ценности человечества

Воскреснет человек —
воскреснет и мир.

Григорий Сковорода

Я убежден, что человеческая нравственность имеет естественные истоки и искать их надо в гармонии природы. П. Кропоткин, разработавший теорию эволюционной этики, утверждает, что человек скорее станет на четвереньки, чем перестанет быть нравственным, ибо происхождение представлений о добре и зле древнее, чем хождение на двух ногах¹. Что такое хорошо и что такое плохо, понимают и первобытные дикари, и обезьяны, олени, пеликаны, воробьи, даже насекомые...

Выдающийся русский религиозный философ В. Соловьев в своей знаменитой статье «Смысл любви»² подводит к следующим заключениям о зарождении самого благородного человеческого чувства: среди позвоночных животных на низших ступенях развития (у рыб) продолжение рода обеспечивается лишь многочисленностью потомства, а не заботой о выживании каждого новорожденного; земноводные и гады не столь многочисленны (хотя и они «кишмя кишат»), но у них есть уже и некоторые начала влечения друг к другу; у птиц сила размножения еще меньше, зато любовь и забота поднимаются до очень высокого уровня. У млекопитающих же, включая человека, связь очевидна: чем менее многочисленное потомство, тем большее значение приобретает любовь.

Огромную роль благородных побуждений в животном мире признает каждый, кто соприкасался с девственной, не искаженной человеческим влиянием природой. Около сорока лет я работал в самых глухих уголках Сибири и Дальнего Востока и имею множество доказательств главного закона природы — закона любви. Защищая детей, медведица, например, пойдет хоть на танк. В этом нет ни малейшего преувеличения. Трактористы с отдаленных камчатских сенокосов могут порассказать много историй, вызывающих искреннее почтение к родительским чувствам зверей.

Много примеров благородных животных инстинктов можно найти у писателей-анималистов, в частности у А. Брэма. Напав на стадо павианов, всполошенное выстрелами, две собаки отбили от взрослых маленькую обезьянку. Она испуганно заверещала в предчувствии смерти. Тогда старый самец, не обращая внимания ни на собак, ни на охотников, изготовивших оружие, величественно и гордо возвратился к детенышу, погладил его, взял на руки и не спеша вернулся к стаду. Собаки, сконфуженные таким презрением к опасности, замолчали, а белые путешественники, восхищенные подвигом вожака, настолько прониклись к нему уважением, что даже не попытались разрядить в него свои ружья.

Природа учит добру. Гармонии человеческих отношений неоткуда было бы взяться, если бы не было гармонии в природе. Борьба за существование, конкуренция, конечно, существуют, но их роль, на мой взгляд, сильно преувеличена в научной и околonaучной литературе. Признание конкуренции

¹ См. Кропоткин П. А. *Этика*. М., 1991.

² См. Соловьев В. С. *Русский эрос, или Философия любви в России*. М., 1991.

³ См. Брэм А. Э. *Жизнь животных*. Т. III. Млекопитающие. М., 1992.

Салин Ю. С. — кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник Института комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения РАН

единственным движущим фактором биологической эволюции — всего лишь отображение пороков человеческого общества в кривом зеркале «объективной» науки, Как полагает Л. Толстой, «научная толпа» всегда признавала «научным то, что потакало царствующему злу»⁴.

Теории Т. Мальтуса, Ч. Дарвина, К. Маркса, принимающие борьбу как главную причину развития, наш великий писатель считает «очевидно безнравственными». (Толстой не учел изменения позиции основоположника дарвинизма: Дарвин «Происхождения человека» — это не Дарвин «Происхождения видов»! Это *разные ученые*, и во второй из своих основных работ автор теории биологической эволюции вводит в качестве важнейшего фактора развития инстинкт общительности, взаимопомощи. Он признает даже, что общественный инстинкт берет верх над личным.)

Социальные корни утвердившегося в науке дарвиновского закона выживания наиболее приспособленных несомненны. Дарвин испытал влияние социологических построений Мальтуса, исходившего из противоречия между возрастающей в геометрической прогрессии численностью народонаселения планеты и приростом в арифметической прогрессии продуктов потребления, из чего, по его мнению, следовала необходимость регулирования численности рода людского путем взаимоистребления.

Несомненной казалась приложимость закона борьбы и взаимоистребления к природе. В обиходе появился пресловутый «закон джунглей», утверждавший якобы естественное право сильного. Круг замкнулся: теперь уже из закона природы выводилось, что общество на ранних ступенях развития неизбежно несет на себе следы породившей его жестокой стихии и лишь по мере возвышения человеческого начала и освобождения от животного можно достигнуть высокого уровня нравственности.

Однако к истинному закону джунглей ближе Р. Киплинг, чем Дарвин: «Ты и я — все мы одной крови». Очень символична история волчьей семьи, защитившей и воспитавшей человеческого детеныша. Описания Брэма, А. Гумбольдта, Ф. Азары, Дж. Дж. Одюбона, Кропоткина богато иллюстрируют отношения взаимной помощи в мире животных⁵. Мои собственные наблюдения на Дальнем Востоке заставляют меня присоединиться именно к этой точке зрения.

Пока человек не потерял контакта с природой, он не теряет и естественной нравственности. На Дальнем Востоке много примеров еще не разрушенного природосообразного уклада жизни. В тех местах, где я наблюдал медведей, мне довелось общаться и с кочевниками-оленеводами — коряками и чукчами. Опыт такого общения развенчивает предвзятое отношение к народам, не затронутым западной цивилизацией.

Выдающийся историк В. Ключевский, объясняя в своих дневниках приверженность западному укладу жизни, приводит пример. Вот по улице мчится лихач, заставляя прохожих испуганно шарахаться в стороны. Это неприятно и не настраивает в пользу цивилизации. Но вдруг кучер резко осаживает лошадей: через дорогу ковыляет малыш! Века просвещения, заключает Ключевский, не прошли даром, отложились в психологии людей.

Из сказанного, видимо, следует, что нецивилизованный дикарь в аналогичной ситуации поступил бы иначе. Польский же специалист по русской истории К. Валишевский прямо заявляет: «Фикция существования высокой нравственности на низкой ступени культурного развития историей опровергается»⁶.

Можно утверждать без всякой опасности ошибиться, что эта позиция общепринята в современной науке о человеке и обществе. Приведу лишь одну характерную цитату: «...Какой же трудный путь прошла человеческая культура и этика, прежде чем ей удалось сформировать из беспомощного дикаря воспитанную личность...»⁷.

Но вот что пишут очевидцы о детях дикарей: «Родители не нарадуются на детей и никогда не бранят их. Даже удивительно, что дети растут прилежными и послушными, когда родители позволяют им делать все, что только заблагорассудится». Профессор А. Норденшельд, безоговорочно относящий культуру чукчей к каменному веку, свидетельствует: «Любовь между супругами, родителями и детьми очень сильна... В семьях царит полнейшее согласие. Авторитет жены, по-видимому, очень высок. Детей не бранят и не наказывают, и все же более благонравных детей я никогда не видел. Поведение их в яранге можно вполне сравнить с поведением хорошо воспитанных европейских детей в гостиной»⁹.

⁴ Толстой Л. Н. Собр. соч., т. 16. М., 1964, с. 533.

⁵ См., например, Кропоткин П. А. Взаимная помощь среди животных и людей как фактор прогресса. М., 1922; его же. Этика.

⁶ В а л и ш е в с к и й К. Иван Грозный. М., 1993, с. 94.

⁷ Фурманов Ю. Р. Пафос и границы эволюционного гуманизма. «Этическая мысль». М., 1992, с. 319.

⁸ С в е р д р у п Г. У. Плавание на судне «Мод» в водах морей Лаптевых и Северо-Восточного. М., 1930, с. 285.

⁹ Н о р д е н ш е л ь д А. Е. Плавание на «Веге». Т. II. Л., 1936, с. 236, 357.

Святой Иннокентий, в миру И, Вениаминов, долгое время прослуживший миссионером во владениях Российско-Американской компании, сообщает такую статистику: за сорок лет среди населения в шестьдесят тысяч душ здесь зафиксировано только одно убийство. Поставленный после миссионерской деятельности на Алеутах на должность епископа Амурского и Камчатского, отец Иннокентий констатирует: «Во всей Камчатской епархии, можно сказать, совсем нет ни воровства, ни убийства»¹⁰. Среди остяков и самоедов, пишет академик А. Миддендорф, за целое столетие было совершено только одно убийство во всей тундре.

Да и откуда было взяться преступным наклонностям, если добро окружало дикарей с самого рождения? Их дети никогда не дерутся между собой,— говорит Миддендорф о вогулах и самоедах¹¹. И не ругаются,— усиливает этот тезис отец Иннокентий. В алеутском языке даже необходимых для этого выражений не предусмотрено. «А твоя мать не умеет шить»,— самое грубое ругательство, доступное маленькому алеуту¹².

Таким же было отношение дикарей к старикам, к гостям, к путникам. Но, может быть, это какие-то слабые, вырождающиеся племена, и доброта их — от нехватки силы духа?

Единственный народ на территории Российской империи, так и оставшийся непокоренным,— чукчи. Племя, никогда не насчитывавшее более пятнадцати тысяч человек, было официально признано состоящим в союзе, а не в подчинении. Российские военачальники высоко оценивали их воинские достоинства. «Чукчи народ сильный, рослый, смелый, плечистый, крепкого сложения, рассудительный, справедливый, воинственный, любящий свободу и не терпящий обмана, мстительный, а во время войны, будучи в опасном положении, себя убивает... Привести чукоч в подданство невозможно...»,— доносил в 1732 году майор Д. Павлуцкий в Тобольскую канцелярию¹³.

Дважды нанесли они тяжелые поражения войскам империи в решающих сражениях. В 1730 году разгромили отряд казачьего головы А. Шестакова и убили самого начальника. В 1747 году неудача постигла Павлуцкого, и здесь в бою погиб сам командир. Так и остались чукчи «немирными инородцами», а в Своде законов Российской империи появилась формулировка, вряд ли имеющая аналог в законодательствах иных времен и народов: «чукчи платят ясак, количеством и качеством, какой сами пожелают»¹⁴.

Кочевники хранили свою независимость не только от завоевателей. Исследователи образа жизни кочевых народов, населяющих побережье Северного Ледовитого океана, Приамурье и Камчатку, единодушно отмечают высокое развитое чувство собственного достоинства, определяющее все их поведение. «Всякий сам себе хозяин и решительно ни за кем не признает права вмешиваться в его дела»,— пишет Н. Гондатти, начальник Анадырской округи, впоследствии Приамурский генерал-губернатор. «Они настолько нравственны, что без всяких побуждений с чьей-либо стороны живут по принципу наибольшей свободы; никто из них не позволит себе сделать что-либо в ущерб своему соседу». «Как реагировали бы коряки и чукчи на воровство чего-нибудь друг у друга, ответить я затрудняюсь, так как случаев кражи среди них я не замечал»¹⁶.

Забота о ближнем для коренного северянина — норма жизни. В мировоззрении и поведении «дикаря» полностью отсутствует эгоистическая мотивация.

Добычу, ради которой, например, тунгус рисковал только своей собственной жизнью и на которую затратил только свои собственные силы, охотник считал общим и священным даром. Убитого зверя он приносил на стойбище, отдавал женщине, обычно не родственнице, и она делила мясо на всех, причем добытчику зачастую доставалось меньше всех, а шкуру отдавала беднейшей семье.

Чукчи и эскимосы, жившие на берегу Берингова пролива, до проникновения «цивилизации» не торговали моржами и тюленями. Каждый житель поселка получал свою долю независимо от того, кому посчастливилось убить морского зверя. Если в соседнем поселке охота была неудачной, туда отправ-

¹⁰ Миссионерская деятельность покойного митрополита Иннокентия. «Русский архив», 1879, № 7, с. 273—304.

¹¹ См. Кропоткин П. А. Взаимная помощь среди животных и людей как фактор прогресса.

¹² См. Вениаминов И. Е. Записки об островах Уналашкинского отдела, составленные И. Вениаминовым. Ч. II. СПб., 1840.

¹³ Сгибнев А. Материалы для истории Камчатки. Экспедиция Шестакова. «Морской сборник». Т. С. №2. СПб., 1869, с. 31.

¹⁴ История Сибири. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Л., 1968, с. 430.

¹⁵ Гондатти Н. Л. Состав населения Анадырской округи, «Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества». Т. III, вып. I. Хабаровск, 1897, с. 169. См. также Маргаритов В. Камчатка и ее обитатели. Указ. соч. Т. V, вып. I. Хабаровск, 1899, с. 105 и др.

¹⁶ Беретти Н. Н. На крайнем Северо-Востоке. «Записки Владивостокского отдела Государственного Русского географического общества». Т. IV (XXI). Владивосток, 1929, с. 20.

лялись целые вереницы саней, груженных мясом и салом, причем все припасы раздавались без всякой платы. Помогали неудачникам оленями и собаками.

Заботились аборигены Севера не только о соплеменниках. Зимой 1866 года на Колыме разразился голод в связи с недоходом рыбы. Русские жители ели ремни и налимьи кожи, которыми были затянuty окна. Спасли их от вымирания чукчи. Амвраоргин пожертвовал 700 оленей, другой кочевник, имя которого история не сохранила, отдал 130 оленей. Не скупилась и другие. Об оплате не было и речи. Подобные ситуации и благородные акты помощи повторялись много раз, если не сказать регулярно.

«Гуманной идеей» назвал географ Н. Слюнин заботу коряков о чужеземцах. Русское население Гижиги не раз могло бы вымереть от голода, если бы не коряки с их табунами. В 1910 году, сообщает протоиерей Шерстенников, корякский оленевод Холли в Камчатской области помог пережить трудные времена целой волости — русским, ительменам, камчадалам. Подобные случаи известны и на Анадыре, на Индигирке. Спасали северяне и американцев. В 60-х годах прошлого века фирма Western Union Extension вела на Чукотке и в Корякин изыскания, связанные с установкой телефонно-телеграфного сообщения между Америкой и Европой. Американцы неоднократно оказывались на грани смерти, и всегда их бескорыстно выручали аборигены, хотя и сами в те годы терпели жестокою нужду.

Когда от аборигенов Севера России я обратился к изучению эскимосов, ирокезов, папуасов, готтентотов, то был поражен сходством определяющих черт этики и социальных отношений всех первобытных народов. Бросаются в глаза текстуальные совпадения высказываний о дикарях с евангельскими заповедями. Сравните: «Они счастливее, когда дают, чем когда принимают» (Э. Реклю об алеуках) и «Блаженнее давать, нежели принимать» (слова Сына Человеческого, Учителя добра и любви). «Не заботьтесь о завтрашнем дне»,— увещевал Христос-Спаситель, а самое обычное обвинение в адрес всех дикарей состоит в том, что они не заботятся о завтрашнем дне.

Изучение Библии открывает много и других параллелей. Близость к земле, к природе сделала человека нравственным, научила его любить ближнего, как самого себя. Нравственность для него естественна, как дыхание, как глоток чистой воды. И потому у древних народов — чукчей, эскимосов, готтентотов — не существовало моральных заповедей. Не было их и в первой редакции знаменитого Декалога Моисеева.

Общепризнано, что Библия содержит очень разные по происхождению временные пласты. Если так называемый Жреческий кодекс и Второзаконие (VI—VII века до н. э.) предлагают известные всем заповеди «почитай отца с матерью», «не убий», «не укради», то, согласно наиболее древнему Яхвисту (IX—X века до н. э.), Моисей записал на скрижалях иные истины, внушенные ему свыше на горе Синайской: «Не вари козленка в молоке матери его»; «Не изливай крови жертвы моей на квасное».

Когда еврей, подобно тому как ныне кочует чукча за оленьими табунами, кочевал за стадами овец и верблюдов, напоминать ему «не укради» или «почитай отца с матерью» было бы столь же странно, как «не забудь дышать». И лишь когда человек лишился райской жизни в гармонии с природой, ему понадобилось сохранить от забвения прежние нравственные нормы, записать и проповедовать их в назидание как предостережение против выбора иных жизненных установок.

Осуждение богатства, стяжательства — главный моральный догмат всех религий. «Горе вам, прибавляющие дом к дому, присоединяющие поле к полю, так что другим не остается места, будто вы одни поселены на земле»,— проклинает богатых ветхозаветный пророк Исайя. «Не собирайте себе сокровищ на земле»,— увещевает Иисус.— Легче верблюду пролезть в игольное ушко, чем богатому попасть в царство Божие». «Корень всех зол есть сребролюбие»,— продолжает тему святой апостол Павел.

Столь же непримирим к алчности и Магомет: «Так нет! Вы сами не почитаете сироту, не поощряете покормить бедняка, пожираете наследство едой настойчивой, любите богатство любовью упорной. Так нет, когда будет распростерта земля плоско и придет твой Господь и ангелы рядами, и приведут тогда геенну — в тот день вспомнит человек, но к чему ему воспоминания?».

«Стыдись быть бедным и убогим, когда в стране есть путь. Стыдись быть знатным и богатым, когда в ней нет пути» (Конфуций). Если учесть, что Учитель народа не уставал повторять, что у Поднебесной нет пути, то первая фраза теряет всякий реальный смысл, ее сфера действия отодвигается примерно в то самое Зазеркалье, где у монотеизма размещается Царство Божие.

От религий неожиданно для меня перебрался мостик к революциям. Вот поэма А. Блока «Двенадцать». Жутковатые натуралистические описания — пьяная солдатня, насилия, мародерство, убийства. Но с ними «в белом венчике из роз впереди Иисус Христос»? Почему?

Э. Ренан, автор многолетнего исследования по истории христианства, называет распространение учения Иисуса крупнейшей экономической революцией. Л. Толстой в своем богоискательстве вдохнов-

лялся учением французского философа-просветителя Ж.-Ж. Руссо. В юности вместо креста он даже носил на груди медальон с портретом Руссо. Английский мыслитель Т. Карлейль, немецкие идеалисты И. Кант и И.-Г. Фихте — авторы собственных систем этики — считали Руссо вдохновителем своих моральных поисков.

Вожди Великих революций Б. Франклин, Т. Джефферсон, Дж. Вашингтон, Ж.-П. Марат, О.-Г. Мирабо, М. Робеспьер именно у Руссо взяли лозунг «Свобода, равенство, братство». Наполеон говорил, что не будь Руссо, не было бы и французской революции. Толстого неоднократно называли и революционером, и анархистом, и коммунистом, и социалистом. Почему?

Штудирюя материалы по американской, французской революциям, сравнивая их с октябрьской революцией в России, которую в средствах массовой информации ныне уже не признают ни Великой, ни Социалистической, ни революцией вообще, а называют октябрьским переворотом, я пришел к выводу, что мировые религии и великие революции различаются не идеалами, в которые верят народные массы, а методами их достижения — мирными для религий и насильственными для революций.

Сохранение несправедливости, общественного неравенства таит в себе страшную опасность. Народы инстинктивно не признают права на существование такого строя. Если несправедливость не будет устранена мирными средствами, по доброй воле имущих и могущих, неизбежны возмущения, социальные взрывы, борьба. Но для успеха в борьбе необходимы организация и дисциплина, из которых и произрастают иерархия, диктатура, тоталитаризм, репрессии, Ленин-Сталин, Пол Пот и Саддам Хусейн. После победы в борьбе идеалы используются уже только для обмана народа, для идеологической маскировки новой, еще более гнетущей несправедливости, чем та, против которой начиналась борьба.

Почему в России в семнадцатом году произошла революция?

В начале XX века в правящих верхах России созрело, наконец, решение — жить как живут все «цивилизованные» люди. Был проведен раздел общинных земель. Крестьянину была предоставлена возможность стать фермером. Освободившиеся, уже ненужные более земле рабочие руки ждала промышленность. Интенсификация, повышение уровня сельскохозяйственного производства, пролетаризация крестьянства должны были укрепить материальную основу жизни общества. За счет духовной...

Вот как описывает мой коллега М. Леднев реакцию деревни на столыпинские реформы в Воронежской губернии, откуда ведет свои корни его род: «В нашей большой семье пятеро крепких мужиков решили: уйдем на отруб! А остальные двенадцать забеспокоились: а что же будет с нами?».

Древняя сельская община всегда исполняла функции общественного призрения, заботы о слабых, увечных, убогих. Забота же каждого только о себе являлась нарушением вековечных патриархальных представлений о справедливости. А несправедливость происходящего не оставляла зачастую никаких сомнений. При любом расхождении между пользой и правдой предпочтение отдавалось пользе. Передача, допустим, казенной земли безлошадным беднякам, не имеющим инвентаря, запрещалась.

Деревня сопротивлялась реформе. Землеустроительным экспедициям приходилось работать под вооруженной охраной. А когда сильные мужики, переселившись поодиночке в Сибирь, снова начали вести там общинное хозяйство (в этом и состоял знаменитый «сибирский феномен»), последовало распоряжение — произвести насильственное межевание и в Сибири.

Раскол пошел по всей огромной стране. И разрешился он октябрьским взрывом семнадцатого года. Брат поднялся на брата, сын на отца... Взбунтовалось не голодное русское брюхо, а «загадочная русская душа». Все революции проистекают из свойственного любому народу острого чувства попранной справедливости. Жак-Простак, пока пахал свою землю в Шампани и Гаскони, обладал душой не менее загадочной для мешанина-космополита, и ее можно было «измерить» тем же самым аршином, что и душу Ивана-дурака.

Логика развития темы духовности подвела меня к главным принципам русской философии. Именно в русской философии сошлись, как в фокусе, линии, ведущие и от гармонии природы, и от первобытного общинного уклада жизни, и от религий, и от революций.

Не то, что мните вы, природа,
Не слепок, не бездушный лик,
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык.

Восприятие Ф. Тютчевым окружающей среды как некоего одухотворенного единства вытекает напрямую из сохранившихся на Руси контактов с землей-матушкой. Мужичьи понятия о справедливости, этические инстинкты народа определили всю философию таких гигантов мысли, как Л. Толстой и Ф. Достоевский.

В начале века говорили, что в России два царя. Великий Лев сумел осуществить синтез огромного духовного наследия человечества. Его философия осталась до настоящего времени не оцененной по достоинству в силу чрезвычайной смелости и бескомпромиссности его заключений. Но эпоха глобальных кризисов востребовала именно такое безоглядное осмысление всего развития человечества, какое есть до сих пор только у Толстого.

Достоевскому с признанием его философии повезло больше, чем Толстому. Не много вершин усмотрел в человековедении С. Цвейг: Гомер, Данте, Шекспир, Достоевский. И если Шекспир, полагает Цвейг, лучше всех знал *человечество*, то Достоевский настолько же превосходит остальных в знании *человека*. Почвенничество, инстинкты народной духовности, религиозный строй мысли и чувства отличают его философию. Запредельное, болезненно обостренное внимание к свободе, любви, разуму, выгоде — движущим мотивам поступков человека, его подвигов и преступлений — дало толчок многим направлениям русской мысли. Н. Бердяев признается, что не будь «Легенды о Великом инквизиторе», не было бы и его, бердяевской, философии свободы и самовыражения.

Религии и революции переплелись в творчестве и судьбах русских философов неразрывно. Русский философский Ренессанс начала XX века достойно представляют Бердяев, С. Булгаков, С. Франк, П. Струве — марксисты в начале своего творческого пути, религиозные философы в конце. Революционеры (некоторые даже ссыльнопоселенцы при царизме), после 1917 года они были признаны контрреволюционерами и высланы из Советской России.

Не меньше зигзагов и в судьбе Кропоткина. Познакомившись с Алексеевским равелином Шлиссельбургской крепости, с французскими тюрьмами, с дикой природой Сибири и нравами таежных инородцев, князь-анархист пришел к выводу, что движущим началом и человеческого развития, и всей органической эволюции служит взаимопомощь, а вовсе не борьба, не конкуренция.

Толстой, Достоевский, Булгаков, Бердяев, П. Флоренский и другие русские философы исповедовали принципы ненасилия, осуждали стяжательство и алчность, отвергали холодный рационализм («А не ошибается ли разум-то в выгоде?» — Достоевский), призывали к христианской любви и братству.

«...Разве западная цивилизация есть проповедь всей твари? — вопрошает отец Павел Флоренский.— Трижды преступна хищническая цивилизация, не ведающая ни жалости, ни любви к твари, но ищущая от твари лишь своей корысти, движимая не желанием помочь природе проявить сокрытую в ней культуру, но навязывающая насильственно и условно внешние формы и внешние цели... Природа... — не безразличная среда технического производства... а живое подобие человека»¹⁷.

Основоположник этнографии Л. Морган, усыновленный родом Ястреба из кирокезского племени сенека, считал общество, основанное на стремлении, к наживе, обреченным на неминуемую гибель. В обществе будущего, верил он, обязательно возродятся свобода, равенство и братство древних родов.

Как можно видеть, фундаментальные ценности человечества в главных его духовных проявлениях совпадают. Только «общечеловеческая цивилизация» не вписывается в это вселенское согласие. И пока гармония человеческих отношений не будет восстановлена по всей планете, нет надежд на восстановление гармонии человека и природы.

¹⁷ О. Павел (Флоренский П. А.). Макрокосм и микрокосм. «Человек и природа», № 9, с. 69.